

DOI: 10.15372/HSS20180311
УДК 94(571)''19'':821.161.1Р–6

С.Г. ПЕТРОВ

ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА ЖИЗНИ СИБИРСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ П.И. МАКУШИНА*

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,

Статья посвящена малоисследованному советскому периоду жизни сибирского просветителя П.И. Макушина (1844–1926). Главное внимание уделено эпистолярному наследию – письмам П.И. Макушина одному из видных большевистских деятелей культуры советской Сибири – В.Д. Вегману, а также другим частным посланиям из личного архива последнего с упоминанием имени сибирского просветителя и адресованным П.И. Макушину. В статье представлен наиболее полный на сегодня массив данной разновидности источников, сохранившихся в Государственном архиве Новосибирской области. Рассмотрен спектр проблем, отразившийся в этих эпистолярных документах. Установлен круг представителей томского интеллектуального сообщества того времени, близкий как П.И. Макушину, так и В.Д. Вегману. Реконструированы особенности отношений сибирского просветителя и старейшего большевика Сибири.

Ключевые слова: П.И. Макушин, В.Д. Вегман, Г.Н. Потанин, письма, большевики, культура, Томск, Сибирь.

S.G. PETROV

FROM THE EPISTOLARY HERITAGE OF THE SOVIET PERIOD OF LIFE OF P.I. MAKUSHIN, A SIBERIAN EDUCATOR

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Understanding the principles of biographical research received a powerful theoretical and methodological impetus in modern historiography, which resulted in emergence of such concepts as a “new biographical history” and “personal history”. Within the framework of these new approaches, personal texts (diaries, letters, memoirs, and autobiographies) are recognized as the principle research objects, while the individual history of people’s lives in all the diversity of their constituent aspects, including the surrounding society study, becomes the subject matter. A particular difficulty is posed by poor preservation of the above-mentioned historical sources. That is why it is so important to work with personal archives, with all the variety of documents in them. Even partially preserved memoirs and epistolary sources are taken into account as they allow the researcher to reveal, even if fragmentarily, individual biographies of people. This research is focused on the empirical solution to the named problems of modern biography studies.

This article considers the scarcely explored Soviet period of life of the well-known Siberian educator P. I. Makushin (1844–1926). The focus is on his epistolary heritage, i. e. P. I. Makushin’s letters to V. D. Vegman, a prominent Bolshevik cultural figure of Soviet Siberia, as well as on other private messages from the latter’s personal archive mentioning the name of the Siberian educator and addressed to P. I. Makushin. This research deals with a gamut of problems reflected in the epistolary documents; specifies the circle of persons representing Tomsk intellectual community of the time close to both P.I. Makushin and V. D. Vegman; identifies the configurations of interpersonal interaction within the community; reveals features of evolution of relationships between the Siberian enlightener and the oldest Bolshevik of Siberia.

Key words: P.I. Makushin, V.D. Wegman, G.N. Potanin, letters, Bolsheviks, culture, Tomsk, Siberia.

В современной историографии осмысление принципов биографического исследования получило мощный теоретико-методологический импульс,

приведший к появлению таких понятий, как «новая биографическая история» и «персональная история». В рамках этих новых подходов основным объектом ис-

*Сокращенный вариант данной статьи обнародован как доклад на XI Макушинских чтениях (г. Томск, 29–30 мая 2018 г.).

Станислав Геннадьевич Петров – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: petrov_istochnik@mail.ru.

Stanislav G. Petrov – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

следования признаны персональные тексты (дневники, письма, мемуары, автобиографии), а предметом анализа – индивидуальная история жизни людей во всем многообразии составляющих ее аспектов, включая изучение окружающего социума. Особую трудность при этом создает плохая сохранность указанных исторических источников. Поэтому столь важной признается работа с личными архивами, со всем спектром находящихся в них документов. Во внимание принимаются даже сохранившиеся с большими лакунами мемуарно-эпистолярные источники, так как они позволяют раскрыть, хотя бы фрагментарно, индивидуальные биографии людей [1].

При подготовке к публикации коллективом историков и архивистов, в который входил и автор этой статьи, сборника документов, посвященного видному деятелю советской культуры в Сибири В.Д. Вегману [2], в его личном архиве были выявлены письма П.И. Макушина. Данные эпистолярные источники были включены мной в третий раздел указанной книги и отмечены в комментариях. Еще до выхода в свет данного сборника Е.А. Мамонтовой, одним из его составителей, письма эти были представлены в общем обзоре находящихся в Государственном архиве Новосибирской области (ГАО) документов, связанных с Макушиным [3, с. 5–6]. К сожалению, в обзор попали не все послания сибирского просветителя, адресованные старейшему большевику Сибири. Остались вне поля зрения и некоторые сохранившиеся в архиве Вегмана послания сибиряков, содержащие упоминания о Макушине или даже адресованные ему. Значение их, как исторических источников, помогающих раскрыть недостающие страницы биографии Макушина в советское время (а все они, за одним исключением, являются рукописными подлинниками, автографами), трудно переоценить. Неоднократно исследователи отмечали, что последний период жизни Макушина изучен слабо и почти не отражен в литературе [4, с. 35; 5, с. 145]. В отличие от дореволюционного времени, по поводу его круга общения в советские годы, профессионального и частного, особенностей межличностного взаимодействия, человеческих привязанностей и симпатий практически ничего не сказано. Известна лишь одна удачная попытка реконструкции В.А. Петрицким на основе книжных дарственных надписей этого периода не известными ранее отношений Макушина и петроградских деятелей культуры [5]. Заполнить эту лакуну хотя бы отчасти и призвана настоящая работа.

Отмечу, что архив Вегмана, в котором отложились письма Макушина, был изъят при аресте его владельца в 1936 г. и долгие годы хранился в местном управлении чекистов в Новосибирске. После развенчания «культы личности» И.В. Сталина конфискованные материалы передали в обкомовский партийный архив, который ныне является составной частью ГАО. Думается, что нет особой надобности останавливаться и на биографиях упомянутых выше достаточно известных персонажей сибирской истории. Напомню только, что Вениамин Давидович Вегман (1873–1936) был ключе-

вой фигурой в большевистских структурах управления региональной культурой.

Неистовый культуртрегер, авторитетный большевик, которого знал лично В.И. Ленин, а А.В. Луначарский называл «нашим старым товарищем», по-европейски образованный, В.Д. Вегман разительно отличался от представителей местной номенклатуры. В силу особого положения в неформальной властной иерархии большевиков он стоял у истоков многих культурных начинаний первых советских лет в Сибири: Общества изучения Сибири, Сибирского союза писателей, Сибирской книжной палаты, Сибгосиздата, Сибгосоперы, Сибархива, Сибистпарта, журнала «Сибирские огни», Сибирской советской энциклопедии, первого сибирского художественного фильма «Красный газ». В его честь были названы улицы, школы и колхозы [6, 7, 8].

Трудно сказать, когда произошла первая встреча Макушина и Вегмана. Не исключено, что это случилось в Томске, когда ссыльный Вегман после февральских событий 1917 г. покинул Нарым и принял активное участие в общественно-политической жизни губернского центра. Он возглавил Томский губком РСДРП, сначала объединенный, а затем большевистский, руководил редакциями местных большевистских газет. Так или иначе, но Макушин счел возможным обратиться к Вегману в первый раз только в 1920 г., и после этого эпистолярное общение их длилось на протяжении практически шести лет – до 1926 г., причем обсуждались самые разные темы, включая и весьма непростые обстоятельства жизни Макушина в советских условиях.

Как известно, по мере продвижения Красной армии на восток России не сочувствовавший большевикам Макушин покинул Томск, но дальше хорошо знакомого ему Иркутска эвакуироваться отказался, приняв решение о возвращении. Еще до ареста чекистами в этом городе (правда, кратковременного) Макушин написал 15 мая 1920 г. о желании вернуться домой «Гражданину Председателю Коллегии заведующей учебными заведениями в Томске товарищу Вегману». Из приведенной адресной формулы видно, что, находясь в Иркутске, Макушин был весьма неплохо осведомлен о происходившем в Томске. Он обратился к Вегману, особо не представляясь, вполне обоснованно считая, что адресат знает его. Это послание Макушина отличается логически выверенной манерой изложения и достаточно жестким языком, официальным и предельно отстраненным.

В начале письма он сообщил, что посвятил 54 года просвещению Сибири и хочет продолжить эту «излюбленную деятельность» до конца своей жизни. А так как Коллегия взяла на себя ответственность за существование устроенного Макушиным Народного университета, то он просит предоставить ему право участвовать в работе нового органа по управлению вузами в Томске. Плодотворной деятельности его на этом поприще мог бы способствовать приобретенный за пять месяцев нахождения в Иркутске опыт зна-

комства с работой местного Народного университета. Подводя итог всему изложенному в письме, не без чувства собственного достоинства, Макушин предложил своему адресату следующее: «В случае, если мое настоящее предложение будет принято Вами, благоволите официально потребовать телеграммой мой выезд из Иркутска в Томск и моей жены для сопровождения меня». В отличие от всего остального текста письма, приведенный только что фрагмент был написан с использованием правил старой орфографии. После чего помещена формула подписи «Гражданин Петр Иванович Макушин» и был указан адрес для телеграммы: «г. Иркутск, Большая ул[ица] № 19» [2, с. 238]. Известно, сыграло это письмо положительную роль в его судьбе или нет, но после освобождения из-под ареста иркутские чекисты, принеся извинения, предоставили ему место в служебном вагоне для возвращения в Томск.

Подтверждением установившихся отношений между Макушиным и Вегманом служит сохранившееся в личном архиве сибирского большевика письмо томской учительницы географии Н.П. Карповой от 29 июня 1923 г., направленное Макушину, видимо в Новониколаевск (Новосибирск), и переданное им Вегману. Напомню, что к тому времени Петр Иванович уже год как трудился заведующим торговым отделом Сибгосиздата, состоял членом его правления. Наполнение редакционных портфелей как издательства, так и появившихся относительно недавно общесибирских органов периодической печати – проблема, которая, очевидно, была одинаково близка им обоим. Из письма Н.П. Карповой следует, что поиск ее решения актуализировал и одну из тем общения Макушина и Вегмана, связанную с судьбой мемуарного наследия другого легендарного сибиряка – Григория Николаевича Потанина, скончавшегося в 1920 г.

Активно участвовавшая в делах Макушина его дочь – Елизавета Петровна – рассказала Н.П. Карповой о желании Вегмана издать воспоминания Г.Н. Потанина, причем с учетом якобы написанных, но не опубликованных текстов, касавшихся недавнего времени. Вероятно, попытка разобраться, существуют или нет эти неизвестные части потанинских мемуаров, была в основе тогдашнего диалога между Вегманом и Макушиным. «Как человек, стоящий близко к Григорию Николаевичу в последние годы его жизни», Карпова однозначно заявила, что никаких других мемуаров, кроме напечатанных в «Сибирской жизни» в 1913–1917 гг., не существует. Сам Потанин, с ее слов, очень ценил опубликованное в газете, основанной Макушиным, и хотел издать свои воспоминания отдельной книгой. Когда поступило предложение издательства «Задруга» напечатать их, он просмотрел мемуары еще раз и даже написал предисловие. Но этим планам не суждено было сбыться, поэтому Карпова была так рада инициативе Вегмана. Она просила Макушина передать Вегману, что ей «страшно хочется, чтобы “Воспоминания” нашли читателя», «чтобы товарищу Вегману удалось напечатать эту интересную книгу». Очевидно, выпол-

няя это пожелание Карповой, Макушин и передал Вегману ее письмо. Рукописная помета Вегмана на этом письме свидетельствует, что 14 августа 1923 г. он дал на него ответ [2, с. 260–261].

В общении Вегмана и Макушина важное место занимал вопрос о судьбе рукописи Потанина «Легенда о Христе». Об этом свидетельствует письмо директора Главной библиотеки Томского университета В.Н. Наумовой-Широких от 14 июля 1923 г., в котором она сообщает Вегману о вручении ей прибывшим в Томск Макушиным записки, посвященной данной рукописи. Наумова-Широких занималась в свободное от службы время разбором рукописей Потанина и заверяла Вегмана, что сделает все возможное для поиска «Легенды о Христе», оперативно, если найдет, оповестит об этом и, несмотря на риски, вышлет ее почтой [2, с. 262]. К сожалению, розыски этой рукописи не увенчались успехом¹.

Имя П.И. Макушина упоминается и в письме директора Томского краевого музея М.Б. Шатилова от 18 декабря 1923 г. Помимо сообщения о задержке с отправкой статьи о своем музее автор письма обратился к Вегману с просьбой оказать содействие в решении вопроса, касавшегося реституции перемещенных после Гражданской войны художественных ценностей. Директор музея хотел пополнить свои фонды бронзовой фигурой первобытного человека, вывезенной, по его сведениям, Артиллерийской школой в Омск. Эта фигура в 1911 г. была прислана американской художницей с Парижской выставки в дар музею томского Дома науки². (С 1920 по 1923 г. в макушинском Доме науки находилось артиллерийское военно-учебное заведение по подготовке комсостава РККА.) «Это литье, – указывал М.Б. Шатилов, – по праву преемства и по существу[,] конечно, должно поступить в наш Музей. В этом направлени[и] много было принято мер, но сделать ничего не удалось». Не исключено, что данную проблему обозначил сам Макушин, по крайней мере, директор музея особо оговорил в письме, что в получе-

¹ Ход не принесших результатов поисков потанинской «Легенды о Христе» отражен в адресованных В.Д. Вегману письмах В.Н. Наумовой-Широких и заведующего Томским губархивом Н.Н. Бакая (Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П5а. Оп. 1. Д. 307. Л. 45, 81 об.; Д. 308. Л. 189–189 об.). В сложившихся обстоятельствах В.Д. Вегману пришлось прибегнуть к услугам В.И. Анучина, который после длительной переписки и всяческого оттягивания момента отправки этой работы Г.Н. Потанина все-таки прислал сомнительный вариант текста, представляющий собой сделанную им рукописную копию нигде более не сохранившейся стенографической записи выступления знаменитого сибиряка по данной теме [2, с. 288–290, 406–407]. Присланный текст под названием «Происхождение Христа» был опубликован в одном номере журнала «Сибирские огни» вместе с некрологом, посвященном П.И. Макушину (ГАО. Ф. П5. Оп. 4. Д. 146. Л. 1–11; Ф. Д144. Оп. 1. Д. 41. Л. 1–4 об.; [9]) [10, с. 40].

² Не исключено, что в письме М.Б. Шатилова речь шла об американском скульпторе российского происхождения О.П. Поповой-Вудворт, которая в 1912 г. подарила томскому Дому науки бронзовый бюст П.И. Макушина (об этом см.: Земля Томская: краеведческий портал. Дом науки им. П.И. Макушина. URL: <http://kraeved.lib.tomsk.ru/page/60/> (дата обращения: 10.01.2018)).

нии этой художественной ценности, «между прочим[,] очень заинтересован П.И. Макушин»³.

Личные контакты, желание плодотворно работать в культурно-просветительской сфере изменили отношение Макушина к Вегману. Второе из сохранившихся писем Макушина красноречиво говорит об этом. В отличие от первого послания, в письме от 29 декабря 1923 г. Петр Иванович называет своего корреспондента «многоуважаемым Вениамином Давидовичем», желает от души ему всего доброго, подписывается с использованием этикетной формулы: «С глубоким почтением П. Макушин». В первой части письма он информирует адресата о состоянии дел у томичей, которые по просьбе Вегмана работали над статьями для периодических изданий или дали обещание помочь с редкими книгами, необходимыми ему для литературной работы. Сначала Макушин пишет о двух упомянутых чуть выше общих хороших знакомых – В.Н. Наумовой-Широких и М.Б. Шагилове, которые уже подготовили свои статьи. Демонстрируя свою осведомленность в этих вопросах, Петр Иванович сообщал, что Вера Николаевна свою статью, видимо о библиотеке Томского университета, вышлет на днях, а Михаил Бонифатьевич написанную им статью о музее уже отправил в Новониколаевск. Далее Макушин извещал о своем разговоре с начальником томского отделения представительства Чехословацкой Республики в РСФСР Райхелем, который обещал Вегману выписать и переслать ему книгу Я. Крадохвила. По-видимому, выполняя просьбу Вегмана, Макушин попросил у Райхеля еще и книгу Р. Гайды, о которой его собеседник ничего не знал, но обещал выписать и ее⁴. Чехословацкий представитель в ответ передал привет и, в свою очередь, попросил доставить ему два экземпляра последнего номера журнала «Сибирские огни», который не получили еще в томском отделении Сибгосиздата.

Вторую часть своего письма Макушин посвятил острейшей для него жилищно-бытовой проблеме. Как известно из литературы, в ознаменование заслуг Макушина в области народного просвещения в июне 1923 г. ему был передан в пожизненное владение муниципализированный ранее у него дом. Из письма от 29 декабря 1923 г. выясняется, что дом был возвращен Макушину с советским «приданым»: в кухне осталась жить семья караульного Буравского. На первый взгляд, насыщение письма уже отмеченными выше этикетными формулами, выражающими знаки уважения адресату, вполне могло быть следствием содержания этой части макушинского послания. Он писал: «Сижу все-

таки и до сего времени без кухни». Для исправления сложившейся ситуации Петр Иванович принял целый ряд мер, но одолеть советских бюрократов так и не смог. Согласно его письму, он был пять раз в жилищной камере, которая признала его требование о выселении караульного законным и «каждый раз обещала “непременно выселить”», но, подводя итог своим хождениям Макушин, «Буравский и не думает очищать занимаемое им помещение». Чтобы разорвать этот порочный круг, Макушин был вынужден лично обратиться к председателю Томского губисполкома В.С. Корневу, но его обещание и даже сделанное им распоряжение ничего не изменили в сложившейся ситуации, поэтому автор письма не решился повторно беспокоить высокое томское начальство. По-видимому, у Макушина осталась последняя инстанция, к которой он мог апеллировать – Вегман. Он так и написал в конце письма: «Буду ждать Вашего приезда в Томск...»⁵.

Как свидетельствует письмо Макушина Вегману от 3 апреля 1924 г., данная проблема и спустя три месяца все еще не была решена, что подтолкнуло Петра Ивановича вновь обратиться к Вениамину Давидовичу. Согласно письму, все принятое еще в 1923 г. решения жилищных органов об освобождении помещения в недельный срок квартирант игнорировал, заявляя Макушину, что покинет кухню только после того, как коммунальный отдел найдет новую квартиру. Сам он, согласно письму, к поиску жилья усилий не прилагал и за свое проживание «в течении 9-ти месяцев ни копейки» не платил, видимо, ожидая смерти объявившегося хозяина дома.

Помимо вызывающего социального иждивенчества, нагло демонстрируемого караульным, Макушин обратился к Вегману еще и потому, что за время нахождения дома в муниципализированном состоянии помещение кухни пришло в негодность, и требовалось провести срочный ремонт: «заменить сгнившие бревна, поднять и перестлать полы и проконопатить стены», а нанять по дешевой цене рабочих можно было только весной, до начала летних работ. Изложенное Макушиным подтверждалось актом обследования дома строительной комиссией губкомхоза от 30 июня 1923 г., составленным при передаче дома прежнему владельцу. По мнению Макушина, этот акт давал «по закону Республики» все основания на выселение квартиранта «мерами полиции», но возраст автора послания уже не позволял «ходить по судам и отстаивать свои права тяжбой». В конце письма Макушин подводил итог: «Очень прошу Вас, многоуважаемый Вениамин Давидович, избавить меня от этой крайне тяжелой для меня перспективы» [2, с. 268–269].

При составлении данного письма его автор не совсем точно указал даты упомянутых в нем официальных документов, милицию назвал полицией, а квартиранта – Журавским, видимо, Макушин находился в состоянии волнения (не исключено, после очередной «схватки» с караульным). Поводом для обращения

³ ГАНО. Ф. П5а. Оп. 1. Д. 307. Л. 133–133 об.

⁴ Райхель неоднократно присылал Вегману книги, издававшиеся не только в Чехословакии, но и в других европейских странах (ГАНО. Ф. П5а. Оп. 1. Д. 307. Л. 44, 55; Д. 308. Л. 60). В письме Макушина речь идет о следующих книгах: *Kratochvil J. Cesta revoluce. Praha, 1922; Gajda R. Moje paměti. [Praha], 1921*. См. также другие письма, полученные Вегманом и посвященные этим книгам, в том числе от их авторов (ГАНО. Ф. П5а. Оп. 1. Д. 309. Л. 17; Д. 313. Л. 44, 58; Д. 314. Л. 31; [2, с. 153–154]).

⁵ ГАНО. Ф. П5а. Оп. 1. Д. 307. Л. 140–140 об.

к Вегману стал отъезд в Новониколаевск председателя Томского губисполкома В.С. Корнева, с которым Макушин и просил еще раз переговорить.

К тому времени в среде сибирских литераторов, видимо, произошло осознание того факта, что имя Макушина и при советской власти может иметь вес, по крайней мере, при общении с такой ключевой для них фигурой в региональном руководстве, как Вегман. Это наглядно демонстрирует письмо из Омска литератора и журналиста Г.А. Вяткина от 20 ноября 1924 г. Единственное из всех рассмотренных в этой статье писем оно представлено в личном архиве Вегмана в виде машинописной копии. Помимо краткого отчета о работе омского отделения Общества содействия жертвам интервенции и уверений о подготовке в срок статьи о его деятельности (имелась в виду: [11]), послание содержит еще просьбу личного характера. Озабоченный вопросом собственной значимости в литературно-общественной жизни Сибири, Вяткин просит Вегмана отметить на страницах журнала «Сибирские огни» четвертьвековой юбилей газетной и литературной работы. Для этого он приводит краткие сведения о себе, сообщая, что первое стихотворение он напечатал в январе 1900 г., когда ему было 14 лет, в газете «Сибирская жизнь», и тут же уточняет: «Редакция П.И. Макушина», считая, видимо, что это упоминание должно произвести должный эффект на Вегмана и способствовать появлению заказной юбилейной заметки⁶.

Два последних письма, написанных в январе 1926 г., Макушин вновь посвятил проблеме публикации воспоминаний Потанина. По всей видимости, желание издать их в Сибкрайиздате отдельной книгой или в журнале «Сибирские огни» вновь овладело Вегманом. Из этих писем следует, что примененные в рассмотренных выше посланиях Макушина этикетные формулы стали постоянными («многоуважаемый Вениамин Давидович», «с глубоким почтением к Вам» и т.д.), поэтому их использование в предыдущих письмах, думается, было связано не столько с их содержанием – просьбой решить квартирный вопрос, сколько с установившимися между ними отношениями взаимного доверия и уважения друг к другу.

Первое письмо от 12 января 1926 г. было составлено в ответ на просьбу Вегмана выслать потанинские мемуары. В отличие от предыдущего раза, когда Вегман высказал идею издать их, Макушин столкнулся с рядом трудностей, которые потребовали дополнительного времени, и он не сразу ответил на просьбу из Новониколаевска. Собранный тогда частями у разных почитателей сибирского областника полный текст его мемуаров не был опубликован, поэтому номера газеты «Сибирская жизнь» пришлось вернуть их владельцам. Теперь же, как сообщалось в письме, некоторые из них уехали в Москву, другие говорили, что не могут найти необходимые экземпляры газеты. Макушин просил еще неделю на поиски, но не был уверен в успехе затеянного дела. В свою очередь автор письма обращался

к адресату с ответной просьбой: способствовать тому, чтобы вдова Потанина смогла получить назначенную по инициативе Вегмана, но не выданную покойному, пенсию. По пришедшим из Барнаула сведениям, Мария Георгиевна Васильева находилась в крайней нужде, и Макушину хотелось бы, «в память умершего ее мужа», помочь ей [2, с. 294].

Второе письмо, отправленное в Новониколаевск ровно через неделю, 19 января 1926 г., говорит о чрезвычайно серьезном и ответственном отношении Макушина к просьбам Вегмана, которые он стремился безукоризненно выполнять. Автор письма был вынужден вновь признать, что полного комплекта номеров «Сибирской жизни» с воспоминаниями Потанина достать не удалось. Все собранное он отправил почтой в Новониколаевск, указав в начале и в конце письма, что после минования надобности посланные номера газеты нужно вернуть владельцам. Не найденные тексты мемуаров Потанина, интересующие Вегмана, Макушин советовал перепечатать с экземпляров «Сибирской жизни», хранившихся в библиотеке Томского университета. Он даже указал ориентировочно, в какую денежную сумму может обойтись эта работа: «Редакция “Сиб[ирских] огней” наверное не стеснится ассигновать машинистке 10–20 р[уб]. за переписку, а при небольшой переписке дело ограни[чи]тся суммой рублей в 10. Если признаете это нужным, то не замедлите и укажите срок, когда доставить Вам копии интересующих Вас статей в непосылаемых №№-рах». Чтобы упростить Вегману эту работу, Петр Иванович приложил к письму полный перечень номеров «Сибирской жизни» за 1913–1917 гг. с воспоминаниями Потанина, подчеркнув те из них, которые не удалось собрать. Здесь же он расписал содержание отсутствовавших номеров⁷ [2, с. 407].

В личном архиве Вегмана сохранилось еще три письма директора Главной библиотеки Томского университета В.Н. Наумовой-Широких с упоминанием Макушина. В первом, имеющем дату 16 июня 1926 г., говорится о подготовке некролога, посвященного скончавшемуся недавно Макушину. Автор письма уверяет своего корреспондента, очевидно, заказавшего этот некролог, что материалы у нее уже собраны, поэтому текст она напишет немедленно и пришлет к сроку, причем в том тоне, как ей говорил Вегман⁸.

Второе письмо не датировано автором, но вверху карандашом проставлена дата – 24 июня 1926 г. Судя по содержанию, это письмо было сопроводительным к тексту некролога о Макушине. Наумова-Широких так и сообщала: «Посылаю Вам о Макушине». Далее она предлагала Вегману отредактировать текст, «как найдете нужным», если он покажется ему длинным или не понравится. При этом уведомляла о том, что

⁷ ГАНО. Ф. П5а. Оп. 1. Д. 311. Л. 4–5. Задуманное В.Д. Вегманом при поддержке П.И. Макушина издание мемуаров Г.Н. Потанина на основе публикаций в газете «Сибирская жизнь» было осуществлено Н.Н. Яновским в 1983–1986 гг. [12].

⁸ ГАНО. Ф. П5а. Оп. 1. Д. 311. Л. 81.

⁶ ГАНО. Ф. П5а. Оп. 1. Д. 308. Л. 141–141 об.

приведенные в некрологе даты проверены дочерью Макушина – Елизаветой Петровной. Наумова-Широких считала, что публикация этого текста за ее подписью в «Сибирских огнях» придаст ей в дальнейшем смелости, если появится время, писать в этот журнал [2, с. 300].

В третьем письме от 3 ноября 1926 г., посвященном подготовке мемориальных статей в честь сибирского писателя-народника Н.И. Наумова [13], его дочь в самом конце обмолвилась, что до сих пор не получила от журнала гонорар за некролог о Макушине [14]. Вернувшись из отпуска, который провела на Кавказе, она посчитала, что «это можно сделать сейчас – было бы кстати»⁹. Данное письмо Наумовой-Широких – последнее в личном архиве Вегмана, в котором упоминается имя сибирского просветителя.

Рассмотренный массив эпистолярных источников однозначно свидетельствует, что круг общих знакомых П.И. Макушина и В.Д. Вегмана состоял из представителей сферы культуры, заметных фигур регионального интеллектуального социума, зачастую с сомнительным, по большевистской шкале благонадежности, политическим прошлым – В.Н. Наумова-Широких, М.Б. Шагилов, Н.Н. Бакай, Г.А. Вяткин, Н.П. Карпова, Е.П. Макушина, М.Г. Васильева и др. По письмам Макушина можно проследить изменения, происходившие в отношениях между автором посланий и его корреспондентом: от сдержанных, официальных до доверительных, проникнутых уважением друг к другу. Существенную роль в этих изменениях сыграло то обстоятельство, что профессиональный дореволюционный опыт и общественная активность Макушина оказались востребованными властью в условиях новой экономической политики первой половины 1920-х гг., а заслуги его в просветительской деятельности получили признание у большевиков.

Приведенные письма показывают, что эпистолярное общение Макушина и Вегмана отличалось широким диапазоном: от обсуждения служебных дел, связанных с издательскими проблемами (поиск и публикация произведений Потанина, подготовка журнальных и газетных статей, получение зарубежных книг по сибиреведению), до личных обращений (просьбы о помощи в эвакуации из Иркутска, решении квартирного вопроса в Томске, выплате пенсии вдове Потанина в Барнауле). В решении перечисленных вопросов принимали участие и названные выше представители интеллектуального сообщества Сибири, некоторые из них в письмах к Вегману использовали авторитетное для него имя Макушина и в решении своих вопросов. Проанализированные эпистолярные источники позволяют сделать вывод, что именно Вегманом, плотно курировавшим подготовку некролога о Макушине, был задан официальный дискурс, по лекалам которого в советские десятилетия осмысливалась биография сибирского просветителя.

Таким образом, рассмотренные письма Макушина Вегману, а также другие послания с упоминанием имени сибирского просветителя и адресованные ему, сохранившиеся в личном архиве старейшего большевика Сибири, дают исследователям помимо богатого фактического материала, возможность проследить эволюцию отношений между этими двумя крупными деятелями сибирской культуры, воссоздать круг их общения, раскрыть особенности межличностного взаимодействия, установить их взаимные интересы и точки соприкосновения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Репина Л.П.* Личность и общество, или История в биографиях // История через личность: Историческая биография сегодня. М., 2010. С. 5–16.
2. Вениамин Вегман. Государственная, научная и общественная деятельность: Сборник документов к 90-летию Сибархива / сост.: Л.С. Пашченко, Е.А. Мамонтова, С.Г. Петров, Л.И. Пыстина. Новосибирск, 2010. 450 с.
3. *Мамонтова Е.А.* Новые документы о деятельности П.И. Макушина (по материалам фонда Сибистпарта и других фондов Государственного архива Новосибирской области) // Седьмые Макушинские чтения: материалы науч. конф., 16–17 мая 2006 г., г. Красноярск. Новосибирск, 2006. С. 4–7.
4. *Пронина М.Г.* Советский период в деятельности П.И. Макушина // Книжное дело Сибири и Дальнего Востока в годы строительства социализма. Новосибирск, 1984. С. 35–41.
5. *Петрицкий В.А.* П.И. Макушин и петроградские деятели культуры (новые факты) // Вторые Макушинские чтения (23–24 мая 1991 г., г. Томск). Томск, 1991. С. 144–147.
6. *Познанский В.С.* Ортодоксальный марксист-ленинец В.Д. Вегман // Общественно-политическая жизнь в Сибири. XX век. Новосибирск, 1997. Вып. 2. С. 3–20.
7. *Павлова И.В.* В.Д. Вегман: Штрихи к портрету // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 2. С. 35–40.
8. *Тепляков А.Г.* Вениамин Вегман: Материалы к биографии // Сибирские огни. 2007. № 4. С. 171–178.
9. *Потанин Г.Н.* Происхождение Христа // Сибирские огни. 1926. № 4. С. 125–131.
10. *Мамонтова Е.А.* О некоторых свидетельствах изучения биографии и творчества Г.Н. Потанина (по фондам Государственного архива Новосибирской области) // Вестник Том. гос. ун-та. 2011. № 2 (14). С. 39–41.
11. *Вяткин Г.* Лицо интервенции // Сибирские огни. 1924. № 5. С. 228–234.
12. Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. 336 с.; 1986. Т. 7. 339 с.
13. *Широких В.* Николай Иванович Наумов // Сибирские огни. 1926. № 5-6. С. 257–259.
14. *Наумова-Широких В.* Петр Иванович Макушин // Сибирские огни. 1926. № 4. С. 156–157.

REFERENCES

1. *Repina L.P.* Personality and society, or history in biographies. *Istorija cherez lichnost': Istoricheskaya biografiya segodnya*. Moscow, 2010, pp. 5–16. (In Russ.)
2. *Benjamin Wegman*. State, scientific and public activities: a Collection of documents on the 90th anniversary of Siberian archive administration. Publishers: L.S. Pashchenko, E.A. Mamontova, S.G. Petrov, L.I. Pystina. Novosibirsk, 2010, 450 p. (In Russ.)
3. *Mamontova E.A.* New documents on the activities of P.I. Makushin (documents of the fund of the Siberian historical party Commission and other funds of the State archive of Novosibirsk

⁹ Там же. Л. 133.

region). *Sed'mye Makushinskie chteniya: materialy nauchnoy konferentsii, 16–17 maja 2006 g.*, g. Krasnojarsk. Novosibirsk, 2006, pp. 4–7. (In Russ.)

4. *Pronina M.G.* Activity of P.I. Makushin in the Soviet period. *Knizhnoe delo Sibiri i Dal'nego Vostoka v gody stroitel'stva sotsializma.* Novosibirsk, 1984, pp. 35–41. (In Russ.)

5. *Petritsky V.A.* P.I. Makushin and the Petrograd figures of culture (new facts). *Vtorye Makushinskie chteniya (23–24 maja 1991 g., g. Tomsk).* Tomsk, 1991, pp. 144–147. (In Russ.)

6. *Poznansky V.S.* Orthodox Marxist-Leninist V.D. Wegman. *Obschestvenno-politicheskaya zhizn' v Sibiri. XX vek.* Novosibirsk, 1997, iss. 2, pp. 3–20. (In Russ.)

7. *Pavlova I.V.* V.D. Wegman: Strokes to the portrait. *Gumanitarnye nauki v Sibiri.* 2000, no. 2, pp. 35–40. (In Russ.)

8. *Teplyakov A.G.* Benjamin Wegman: Materials for the biography. *Sibirskie ogni.* 2007, no. 4, pp. 171–178. (In Russ.)

9. *Potantin G.N.* Origin of Christ. *Sibirskie ogni.* 1926, no. 4, pp. 125–131. (In Russ.)

10. *Mamontova E.A.* About some of the evidence of the study of biography and creative work of G.N. Potantin (on the funds of the State archive of Novosibirsk region). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2011, no. 2 (14), pp. 39–41. (In Russ.)

11. *Vyatkin G.* Face intervention. *Sibirskie ogni.* 1924, no. 5, pp. 228–234. (In Russ.)

12. The literary heritage of Siberia. Novosibirsk, 1983, vol. 6, 336 p.; 1986, vol. 7, 339 p. (In Russ.)

13. *Sh[irokikh] V.* Nikolay Ivanovich Naumov. *Sibirskie ogni.* 1926, no. 5-6, pp. 257–259. (In Russ.)

14. *Naumova-Shirokikh V.* Peter Ivanovich Makushin. *Sibirskie ogni.* 1926, no. 4, pp. 156–157. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 28.06.2018